This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

JN
6599
B3K5

KHARUZIN
"BALTIISKAIA KONSTITUTSIIA";...

Acquired through the

HOOVER INSTITUTION

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Харузин, М.
Baltiĭskaia konstitutsiia

Михаилъ Харузинъ.

„БАЛТІЙСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ"

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

МОСКВА.
Типографія А. А. Левенсонъ, Петровка, Рахмановскій пер., № 4
1888.

Kharuzin, M. N.

Михаилъ Харузинъ.

ИАЛКОВСКАЯ
. VII. 150.
ИБЛІОТЕКА.

„БАЛТІЙСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ."

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

МОСКВА.
Типографія А. А. Левенсонъ. Петровка, Рахмановскій переулокъ, собств. домъ
1888.

АРК

JN6599
B3K5

Дозволено цензурою. Ревель, 20 февраля, 1888 года.

„Ces bons Allemands, toujours si fidèles et toujours méconnus!.. Ils ont le **bon droit** pour eux: они стоятъ на почвѣ легальности".

Мнѣніе нѣкоторыхъ столичныхъ сферъ.

„При непорядкахъ родились и воспитаны, а потому и не желаете подчиниться порядку".

Густавъ Адольфъ балтійскимъ депутатамъ въ 1629 году.

„Они обрекли себя на неблагодарную борьбу съ исторіей, на вѣчное противорѣчіе съ дѣйствительностью".

Ю. Самаринъ.

Къ самымъ жгучимъ вопросамъ нашей современной русской жизни принадлежитъ т. н. „вопросъ балтійскій". Правительство, въ теченіи двухъ безъ малаго вѣковъ покровительствовавшее господству пришлаго нѣмецкаго меньшинства въ трехъ побережныхъ нашихъ губерніяхъ—Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, за послѣднее время нашло необходимымъ рѣзко измѣнить это направленіе и разными мѣрами содѣйствовать къ *установленію* въ этомъ краѣ *равновѣсія всѣхъ общественныхъ и національныхъ элементовъ* населенія этой окраины. Съ этою цѣлью нынѣ принимается рядъ реформъ въ области отправленія правосудія, въ области самоуправленія, школы

и церкви. Такъ напр., предполагается замѣна новыми судами мѣстныхъ судилищъ, средневѣковый характеръ коихъ пересталъ соотвѣтствовать потребностямъ современныхъ намъ бытовыхъ условій. Отмѣной дворянскаго полицейскаго управленія предполагается устранить учрежденія, которыя въ состояніи парализовать мѣропріятія центральнаго правительства, дѣйствуя въ интересахъ своекорыстныхъ одного лишь господствующаго въ краѣ класса— дворянскаго нѣмецкой національности; реформа крестьянская имѣла бы цѣлью упорядочить взаимныя поземельныя отношенія мѣстнаго крестьянства и дворянства, создать положеніе наиболѣе обезпечивающее устойчивость въ положеніи крестьянъ, и тѣмъ хотя отчасти поправить ту роковую ошибку, въ которую правительство впало при рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ этомъ краѣ во время освобожденія здѣсь крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1819 и въ 1856 годахъ, довѣрившись всецѣло высшему сословію землевладѣльцевъ. Школьной реформой предполагается положить конецъ нецѣлесообразному господству языка пришлаго сюда изъ-за моря нѣмецкаго *меньшинства* — языка, къ изученію коего до сихъ поръ были принуждаемы всѣ жители этой области, не исключая и коренныхъ русскихъ лю-

дей (напр., чтобы быть гласнымъ въ думѣ, Русскій фактически обязанъ знать нѣмецкій языкъ)—и тѣмъ предупредить все болѣе и болѣе распространяющееся насильственное онѣмеченіе области, успѣхъ коего, разумѣется, не можетъ считать желательнымъ правительство государства не нѣмецкаго.—Наконецъ, мѣропріятіями въ области церковной имѣется въ виду, съ одной стороны, прекратить пользованіе протестантствомъ какъ орудіемъ политическимъ (въ цѣляхъ духовнаго и національнаго отчужденія края отъ прочей Россіи), а съ другой—даровать православію въ этомъ краѣ то положеніе, которое принадлежитъ ему на основаніи нашихъ законовъ, и тѣмъ пойти на встрѣчу замѣчаемому среди Эстонской и Латышской части населенія склонности къ православной церкви.

Начинанія эти встрѣтили дружный отпоръ въ средѣ нѣмецкой части прибалтійскаго населенія. Не щадя ни силъ ни средствъ на сопротивленіе правительственнымъ мѣропріятіямъ внутри своего края (наша печать за послѣдніе года сообщала и продолжаетъ сообщать въ изобиліи факты, сюда относящіеся) — балтонѣмецкіе политики и дѣльцы перенесли борьбу за рубежи нашего государства и наводнили европейскіе журналы и книжные рынки

статьями и трактатами, посвященными этому „вопросу“. Въ нихъ Европа и въ частности Германія призываются на помощь погибающей подъ натисками славянскаго „варварства“ цѣлой стародавней и высокой культуры; въ нихъ изображаются всѣ тѣ опасности, которыя испытываетъ и переноситъ эта „нѣмецкая страна“, въ нихъ жалуются на насильное орусеніе края, въ нихъ возвѣщается даже о происходящемъ-де здѣсь гоненіи на христіанъ (Christenverfolgung) со стороны „Московскаго правительства, ведомаго православнымъ фанатизмомъ русской печати и т. д., и т. д.“

Всѣ подобныя старанія нынѣ, повидимому, не всегда достигаютъ своей цѣли, и мы намѣрены опровергать не ихъ. — Дѣло въ томъ, что съ одной стороны, если бы нѣмцы Германской Имперіи вздумали громко осуждать нашу политику въ прибалтійскомъ краѣ, то они стали бы въ противорѣчіе съ самими собою, осудивъ тѣмъ самымъ самихъ себя за предпринимаемыя ими въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ мѣры (поистинѣ крутыя, съ коими наши дѣйствія въ балтійскомъ краѣ и сравнивать даже нельзя) противъ Поляковъ восточныхъ областей Германіи.—Съ другой стороны, Европейцы серьезные знаютъ нынѣ внутреннія дѣла Россіи ближе и потому не легко вѣ-

рятъ газетнымъ воплямъ, полнымъ преувеличиванія, инсинуаціи и обмана. Такъ напр., извѣстный англійскій государственный человѣкъ Сиръ Чарльсъ Дилькъ въ своемъ послѣднемъ политическомъ трактатѣ „Europe en 1887“ (Paris Mais Quantin) отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующее: много говорится о *нѣмецкой* части Россіи—о прибалтійскихъ ея губерніяхъ; но это такъ же отсталый взглядъ въ числѣ многихъ. Никогда ничего въ прибалтійскомъ краѣ нѣмецкаго не было, кромѣ только аристократическаго и коммерческаго слоевъ общества; деревенскій же народъ (составляющій большинство подавляющее) принадлежитъ къ народности эстонской и латышской, и смотритъ на русскихъ какъ на освободителей своихъ отъ своеволія помѣщиковъ и отъ насильственнаго употребленія языка нѣмецкаго (l. c. p. 126).

Но вотъ подходятъ къ «вопросу» съ иной стороны: освѣщаютъ его съ точки зрѣнія юридической; ставятъ современный балтійскій судебно-административный строй на почву священнаго права, добытаго себѣ мѣстными провинціальными чинами, права—нынѣ «вѣроломно» нарушаемаго. Балтійскія провинціи Россіи, надѣленныя-до особымъ конституціоннымъ устройствомъ, основанномъ на торжественномъ *дого-*

ворѣ— «двухъ равныхъ между собою сторонъ» — балтійскихъ провинціальныхъ чиновъ и Царя Русскаго Петра I, скрѣпленномъ торжественными обѣщаніями Его преемниковъ и освященномъ трактатами международными «на вѣчныя времена». Эта-то «балтійская конституція» нынѣ де безпощадно ломается, и мѣсто «порядка правоваго», заступаетъ «разнузданный произволъ». Болѣе крайніе голоса, исходя изъ положенія, что вѣроломное нарушеніе обязательства одной стороной освобождаетъ отъ соблюденія его и другой — приходитъ къ прямому выводу, что въ данномъ случаѣ прямымъ слѣдствіемъ дѣйствій нашего правительства въ этомъ краѣ должна быть свобода жителей его отъ вѣрноподданнической присяги «Герцогу Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому, корона коего въ данное время соединяется съ особой Императора Всероссійскаго.“—

Всѣ эти положенія стараются доказать по всѣмъ правиламъ науки о правѣ.

Прибѣгаютъ же къ этому пріему для защиты исконнаго порядка вещей въ прибалтійскомъ краѣ потому, что хорошо знаютъ, какъ чутокъ слухъ европейца къ аргументамъ подобнаго рода, что собственная его, европейца, многовѣковая исторія, преисполненная борьбы изъ

за правъ, научила его дорожить каждымъ клочкомъ пергамента, каждой буквой начертанныхъ на немъ нормъ для взаимныхъ отношеній власти и подчиненныхъ ей, научила придавать огромное значеніе и цѣну *формальной* именно сторонѣ всякихъ хартій, гарантирующихъ его права, значеніе, передъ которыми нерѣдко въ его глазахъ на задній планъ отступаетъ даже ихъ правда *внутренняя*.

Однако, этотъ пріемъ, разсчитанный на Европу (въ смыслѣ культурно-историческомъ, а не географическомъ), приводитъ и у насъ дома въ смущеніе нѣкоторыхъ легковѣрныхъ и мало освѣдомленныхъ съ настоящимъ положеніемъ дѣла.

Но въ то же время рядомъ съ лжелиберальными сѣтованіями и негодованіями о судьбѣ культурныхъ областей извѣстной части нашего общества, мы видимъ вдохновенныхъ сторонниковъ той политики, которой за послѣднее время стало придерживаться и правительство, притомъ такихъ сторонниковъ, коихъ имена мы привыкли произносить съ почтеніемъ, какъ то: имя Михаила Погодина, Юрія Самарина, Ивана Аксакова и другихъ.

Итакъ, въ чемъ-же дѣло?

Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ самомъ началѣ прошлаго вѣка, Петръ I, воюя со Швеціей, двинулъ свои войска въ тогдашнія шведскія области, лежавшія по сю сторону моря Балтійскаго. Необходимо было для Россіи возвращеніе этихъ исконныхъ русскихъ земель, которыя, послѣ того какъ, съ разрѣшенія Полоцкаго князя Владиміра, въ XII столѣтіи, былъ допущенъ сюда первый заморскій населенникъ—нѣмецкій монахъ Мейнгартъ съ товарищами, — отошли отъ нашего государства,—въ то время разореннаго и ослабленнаго врагами иноземными и внутренней неурядицей,—къ правительствамъ иноземнымъ.

Много было пролито здѣсь въ теченіи столѣтій крови русской съ цѣлью возвратить эти необходимыя намъ области; многократныя попытки съ тою же цѣлью дѣлались царями Московскими тщетно вплоть до Петра. Но и Петръ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, вынужденъ былъ вначалѣ отказаться отъ столѣтіями излюбленной мысли этой, и обѣщался дать побережье своему союзнику, польскому королю Августу.

Тѣмъ не менѣе, войска Петровы успѣшно дѣйствовали здѣсь противъ общаго противника. Желая скорѣе склонить населеніе провинцій на свою сторону, Государь повелѣлъ распространять прокламаціи,—т. н. «универ-

салы“, въ коихъ давалъ обѣщаніе, что взамѣнъ подчиненію ихъ, будетъ имъ дозволено безпрепятственное отправленіе богослуженія по обрядамъ церкви лютеранской, и останутся неприкосновенными мѣстныя права и привиллегіи, причемъ отмѣнялъ фактъ нарушенія послѣднихъ шведскимъ правительствомъ (редукція и пр.), нарушеніе, вызывавшее въ то время общее раздраженіе.

Къ подобнымъ же мѣрамъ прибѣгалъ и противникъ Петровъ Карлъ XII при своемъ движеніи во внутрь Россіи: онъ также распространялъ прокламаціи, въ которыхъ обѣщалъ сохранить неприкосновеннымъ православіе и освободить отъ злоупотребленій воеводъ русское населеніе взамѣнъ подчиненія своей власти. Но отвѣтомъ на предложенія Петровы было упорное сопротивленіе балтійцевъ его войскамъ, освобождавшее Царя отъ исполненія его обѣщанія. Правда, Царь поступилъ иначе: взявъ силою то, что ему не хотѣли уступить добровольно, онъ все-таки заявилъ великодушно, что исполнитъ то, что обѣщалъ. Но самый фактъ сопротивленія балтійцевъ дѣлаетъ невозможнымъ считать „универсалы“ источникомъ балтійскихъ правъ, такъ какъ условіе, подъ которымъ они имѣли бы свою силу, не наступило.

4 іюля 1710 года сдается Петру Рига послѣ продолжительной осады, сильно пострадавшая отъ русской артиллеріи, ощущая недостатокъ въ продовольствіи *) и опустошаемая свирѣпой чумой. 14 августа сдается Перновъ послѣ трехнедѣльной осады, мучимый голодомъ **) и чумой. 20 сентября сдается Ревель, устрашенный ***) судьбой Риги и Пернова. При капитуляціи всѣхъ этихъ городовъ Шведскіе военные начальники, оставляя поле за побѣдителями, выговорили для уступаемыхъ провинцій оставленіе неприкосновенными церкви лютеранской и исконныхъ провинціальныхъ правъ и привиллегій въ судѣ и управленіи. Къ договорамъ шведовъ съ русскими присоединялись *просьбы* шляхетства и земства городовъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ объ оставленіи имъ стародавняго мѣстнаго строя. Условія шведскихъ военныхъ начальниковъ и просьбы провинціальныхъ чиновъ не расходились съ интересами побѣдителя: не по характеру его было угнетать чужое ему вѣроисповѣданіе какъ таковое, не въ цѣляхъ его было ломать вѣками сложившійся мѣстный судебный, административ-

*) Bicher, Geschichte Der Ostseeprovinzen.
**) Ibid.
***) Ibid.

ный строй, измѣнять его Московскими порядками, коихъ ярымъ противникомъ являлся онъ же самый, не въ его намѣреніяхъ было плодить раздраженіе и недовольство замѣной стараго новымъ въ областяхъ, столь дорогой цѣной ему доставшихся, обладаніе коими далеко еще не было обезпечено;—и онъ согласился на большинство изъ просьбъ прибалтійцевъ.

Слабость союзника въ скорѣ позволила Петру рѣшиться окончательно присоединить къ своей державѣ завоеванную область. И депутаты отъ княжества Лифляндскаго и отъ города Риги явились къ Петру снова съ просьбой утвердить за ними старинныя правиллегіи. Государь отклонить эти просьбы, по словамъ грамоты, „не пожелалъ“, и утвердилъ и на сей разъ стародавнія провинціальныя права двумя жалованными грамотами въ надеждѣ—какъ это онъ самъ заявилъ безъ обиняковъ въ этихъ актахъ—что эта милость его будетъ содѣйствовать наикрѣпчайшему сближенію новопріобрѣтенныхъ провинцій съ остальною державою его. Столь же благосклонно приняты были такія же *просьбы*, поданныя въ 1712 г. депутатами отъ шляхетства и земства Эстляндскаго княжества и отъ города Ревеля: имъ также дарованы двѣ жалованныя грамоты.

Съ тѣхъ поръ при каждой перемѣнѣ царство-

ванія отъ прибалтійскихъ сословій посылали къ Государямъ депутатовъ съ просьбами объ подтвержденіи ихъ прибалтійскихъ правъ и привиллегій. И каждый разъ возвращались они на свое поморье надѣленные новыми жалованными грамотами. Такъ велось вплоть до 1856 г., когда въ послѣдній разъ были подтверждены мѣстныя прибалтійскія права.

Итакъ, неоспоримымъ и неопровержимымъ пока является только фактъ существованія особыхъ хартій, даровавшихъ прибалтійскимъ губерніямъ государства русскаго особаго отъ прочихъ частей Имперіи порядка самоуправленія и суда. Посмотримъ, каковъ характеръ который носятъ эти хартіи.

Намъ говорятъ, что хартіями этими русскій Государь разъ навсегда ограничилъ свою самодержавную волю по отношенію къ прибалтійскому краю, а сами хартіи суть-де ничто иное какъ контракты, свободно заключенные между провинціальными сословіями съ одной стороны и русскими царями съ другой. Въ силу договоровъ этихъ жители края поступили-де подъ защиту русскаго царя, а Государь оставилъ де за это имъ стародавнія ихъ права и мѣстныя распорядки. Разъ-де договоръ

двухсторонній, то не можетъ онъ по праву измѣненъ быть въ своемъ содержаніи одной лишь изъ договаривающихся сторонъ безъ согласія на то другой. Отсюда всякое измѣненіе мѣстнаго склада, предпринимаемое правительствомъ, есть дѣйствіе произвольное, а потому и не правомѣрное.

Такъ ли это?

Истинный характеръ этихъ хартій мы не замедлимъ очертить. Но сначала посмотримъ, правы ли защитники „балтійской конституціи“ со своей, по крайней мѣрѣ, точки зрѣнія—исходя изъ теоріи о договорѣ.

Они говорятъ намъ: „наша конституція основана на договорѣ чиновъ провинціальныхъ съ царемъ рускимъ; по принципамъ же юридическимъ двухсторонній договоръ измѣненъ можетъ быть лишь съ обоюднаго согласія договарившихся, а измѣненія произвольныя одной лишь стороны будутъ дѣйствіями неправыми, а потому и необязательными для другой“. Пусть такъ (останемся пока на *этой* точкѣ зрѣнія): существуетъ договоръ, одной стороной онъ нарушается, сторона эта русское правительство. Какъ разсматривать такой фактъ? Безусловно-ли за правительствомъ не признается право нарушать свои обязательства, или же допускаются и такіе случаи,

когда правительство, дѣйствуя правомѣрно (verfassungsmässig), можетъ себя считать не связаннымъ существующимъ закономъ? *) Отвѣтъ мы находимъ у нѣмецкихъ ученыхъ юристовъ, которые признаютъ, что государство въ извѣстныхъ случаяхъ—а именно своего спасенія или общаго преуспѣянія ради *вправѣ* считать себя не связаннымъ существующими законами, коль скоро послѣдніе являются препятствіемъ къ достиженію означенной цѣли. Право это называется jus eminens, право Государственной необходимости или Staatsnoth recht, какъ говорятъ нѣмцы *), является, слѣдовательно, лишь вопросъ о томъ, существуетъ ли и въ данномъ случаѣ основаніе къ пользованію этимъ экстреннымъ правомъ. Мы лично—какъ читатель сейчасъ увидитъ — правомѣрныя основанія правительственныхъ мѣропріятій въ прибалтійскомъ краѣ находимъ вовсе не въ указанномъ jus eminens, а потому и не станемъ останавливаться на дальнѣйшемъ обсужденіи этого съ нашей точки зрѣнія лишняго, въ данномъ случаѣ, вопроса. Замѣтимъ однако теперь же, что если бы исходить изъ

---

*) Основ. Зак. Импер. Росс. т. I ст. 47: „Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ“...

*) Gareis „Alg. Staatsrecht; Bluntschli, Alg. Staatslehre, Staatrecht und Politic“.

jus eminens, то основаніе для пользованія имъ существуетъ въ данномъ случаѣ полное и что доводы этого нами будутъ помянуты въ самомъ концѣ нашего очерка.

Такова одна сторона вопроса, но есть и другія.

Если правительство при заключеніи договора, будучи введено въ заблужденіе, ошибку или обманъ, принимаетъ въ основаніе договора такія данныя и соображенія, какія въ дѣйствительности не существуютъ вовсе, обязано-ли оно соблюдать заключенное условіе, коль скоро ошибка обнаружена?

Что вопросъ этотъ не праздный въ данномъ случаѣ, покажетъ хоть одинъ примѣръ, который мы приведемъ здѣсь, не затрогивая другихъ, которые повели бы насъ слишкомъ далеко (напр. *степени достовѣрности* разныхъ актовъ изъ прежнихъ вѣковъ, представленныхъ балтійцами на подтвержденія русскаго Царя и пр.). Какъ извѣстно, прибалтійскіе чины, принимая верховное надъ собою главенство русскаго Царя, просили объ оставленіи въ присутственныхъ мѣстахъ господства *нѣмецкаго* языка и о назначеніи въ губернаторы человѣка, непремѣнно владѣющаго *этимъ* языкомъ, просили далѣе о сохраненіи *нѣмецкихъ* судовъ и *нѣмецкаго* права; на просьбу

эту они получили такой отвѣтъ: „понеже Ревель и княжество Эстляндія *все* въ нѣмецкихъ жителяхъ состоитъ, *того ради справедливо есть*, что не токмо нѣмецкій губернаторъ сею землею управлялъ, но чтобъ и нѣмецкая канцелярія сохранена была“—теперь спросимъ мы: а если окажется, что княжество Эстляндія *не* „все изъ нѣмецкихъ жителей состоитъ“—какъ поступать? Согласный съ логикой отвѣтъ одинъ: въ такомъ случаѣ *не* „справедливо есть, что не токмо нѣмецкій губернаторъ сею землею управлялъ, но чтобъ и нѣмецкая канцелярія сохранена была“. И вотъ данныя статистики приводятъ насъ именно къ этому выводу. Согласно съ ними оказывается, что $^{9}/_{10}$ всего населенія принадлежатъ къ народностямъ—эстонской, латышской, русской и пр., составляя всѣ вмѣстѣ болѣе 2-хъ милліоновъ, а $^{1}/_{10}$—принадлежитъ къ германскому племени.

Въ виду такихъ цифръ какой, спрашивается, имѣетъ смыслъ господство языка нѣмецкаго, права, нѣмецкаго суда, нѣмецкой администраціи, разъ оказалось несправедливымъ предположеніе, исходя изъ котораго правительство надѣляло нѣмцевъ балтійскаго поморья привиллегіями. Даетъ ли эта ошибка правительству право сдѣлать соотвѣтствующія поправки, или вынуждено оно остановиться какъ предъ

непреодолимымъ препятствіемъ предъ листомъ пергамента, и не смѣть отступить ни на іоту отъ написаннаго въ немъ? Отвѣтъ подсказываютъ и логика и теорія и простой здравый смыслъ.

Далѣе. Если правительство заключило договоръ *условный*, вправѣ ли оно себя считать свободнымъ отъ обязательства, разъ условіе это наступило? Одинъ лишь возможенъ отвѣтъ, который гласитъ: да.

Такой именно характеръ *условный* и носятъ акты, закрѣпляющіе прибалтійскія привиллегіи, которыя защитники „балтійской конституціи" называютъ договорами.—30 сентября 1710 г. въ жалованной грамотѣ Лифляндскому дворянству и земству (П. С. З. № 2301), подтверждая права и привиллегіи (въ особенности столь желанную Лифляндцамъ привиллегію Сигизмунда Августа отъ 1561 г.), Петръ сдѣлалъ слѣдующую оговорку: „однакожъ Наше и Нашихъ Государствъ Высочество и *права* предоставляя безъ предосужденія и вреда".— Дальнѣйшая оговорка, въ выраженіяхъ еще болѣе ясныхъ, сдѣланная Петромъ I, а позднѣе Екатериной I, повторившей и первую оговорку своего предшественника въ жалованныхъ грамотахъ Лифляндскому и Эстляндскому шляхетству—гласитъ: „*елико оныя къ нынѣш-*

нему правительству и времени приличаются...“ (4743) Петръ II подтверждаетъ (5330) права и привиллегіи *въ той силѣ, какъ они были подтверждены Петромъ I и Екатериной I.*

Точно такой же характеръ носятъ жалованныя грамоты Императрицы Анны Іоанновны и Правительницы Анны Леопольдовны. Государыня Елизавета Петровна подтверждаетъ привиллегіи эти также въ той лишь силѣ, въ какой онѣ подтверждены Петромъ I, а потому дѣлаетъ слѣдующую оговорку: „однакожъ удерживаемъ при семъ Нашемъ и Государствѣ Нашихъ Высочеству и *праву* безъ предосужденія и вреда“.

Мы останавливаемся здѣсь. Защитники балтійской конституціи утверждаютъ, что позднѣйшія правительства вѣроломно измѣняли то, что даровано было Петромъ I, и на этомъ основаніи оговоркамъ въ жалованныхъ грамотахъ позднѣйшихъ временъ они значенія не придаютъ *). Но обвиненіе это—какъ широко его бы не толковали, никакъ не можетъ относиться къ правительствамъ ближайшихъ пріемниковъ Петра, отличительную черту которыхъ именно и составляютъ усиленныя стара-

*) Примѣч. Въ жалованныхъ грамотахъ Александра I и Николая I сказано: „елико сообразны онѣ съ общими государства нашего установленіями и законами“.

нія подражать во всемъ программѣ геніальнаго Государя, оказывавшаго и по смерти своей еще долгое время обаяніе на всѣхъ стоявшихъ у кормила государственнаго управленія Россіей. Такимъ образомъ, всѣ эти помянутыя акты, вмѣстѣ взятые, служатъ лишь отраженіемъ господствующаго взгляда эпохи на прибалтійскія мѣстныя права. А взглядъ этотъ сводится—какъ мы только-что видѣли именно къ тому, что грамоты суть акты *условные*.

Однако, прежде чѣмъ дѣлать дальнѣйшіе выводы изъ этого положенія, отвѣтимъ на тѣ возраженія, которыя дѣлаются противной намъ стороной по поводу значенія, какое слѣдуетъ придавать помянутымъ оговоркамъ.

Намъ говорятъ: оговорка, придающая условный характеръ разсматриваемымъ актамъ, сдѣланная Петромъ I, изъ всѣхъ его постановленій о балтійскихъ привиллегіяхъ находится лишь въ одномъ — въ жалованной грамотѣ шляхетству Лифляндскому. Въ остальныхъ нѣтъ подобныхъ оговорокъ.—Правда. Но помянутая жалованная грамота есть *первая*, опредѣляющая взглядъ Государя на отношеніе прибалтійскаго края къ Россіи и послужившая основаніемъ всѣхъ изданныхъ въ послѣдствіи жалованныхъ грамотъ. Да и трудно было бы допустить, что бы, оставляя оговоркой себѣ полную свободу

дѣйствовать въ Лифляндіи, Петръ I ограничивалъ на всегда свою и своихъ наслѣдниковъ самодержавную власть въ сосѣднихъ съ ней, и одновременно, при одинаковыхъ совершенно условіяхъ завоеванныхъ Эстляндіи, Ригѣ и Ревелѣ. Этотъ взглядъ Петра выраженъ былъ ясно супругой его—менѣе всего расположенной мѣнять его начинанія—которая *во всѣхъ* безъ исключенія актахъ повторяла указанную выше оговорку. Далѣе мы слышимъ изъ противнаго намъ лагеря утвержденіе, что оговорки эти были просто на просто формой наиболѣе приличной и достойной для Суверена, отрекающагося въ силу необходимости отъ своихъ правъ. Доказательствомъ этому приводятъ слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто на Лифляндскомъ ландтагѣ въ 1711 г. Когда собравшіеся на ландтагъ дворяне стали очень озабочиваться, какъ бы эти оговорки (Clausel) не послужили поводомъ къ нарушенію Петромъ данныхъ имъ обѣщаній, то баронъ Левенвольде успокоивалъ ихъ тѣмъ, что эти оговорки суть-де не иное что, какъ terminus generalis, и что на самомъ то дѣлѣ въ намѣреніи Государя — скорѣе умножить привиллегіи, чѣмъ уменьшить ихъ (Schirren, «die Recesse der livländischen Landtagen»). Но изъ сказаннаго можно на нашъ взглядъ сдѣлать лишь слѣдую-

ніи заключенія. Во первыхъ, Петръ I лично не былъ намѣренъ вовсе вводить измѣненія въ мѣстный строй (что такъ понятно по причинамъ, упомянутымъ нами уже выше). Во вторыхъ приведенное свѣдѣніе позволяетъ сдѣлать заключеніе, что именно эта боязнь неискренности новаго властелина, которую обнаруживали сословія прибалтійскія, въ виду оговорокъ, и о которой Петръ долженъ былъ узнать своевременно, разъ она дѣйствительно существовала,—побудила Государя въ другихъ актахъ своихъ, подтверждающихъ привиллегіи балтійскія, воздержаться отъ этихъ оговорокъ. Самъ же онъ былъ въ полномъ сознаніи своей самодержавной власти и, разумѣется, менѣе всего думалъ ограничивать самого себя, и не боялся связать себѣ самому руки тѣмъ, что не вставитъ своевременно какую то «Clausel», и тѣмъ дать поводъ придраться его же собственнымъ подданнымъ. Нужно совершенно не знать личный характеръ этого исполина, нужно окончательно не понимать духа его времени—времени „просвѣщеннаго *абсолютизма*“, яркимъ представителемъ коего не даромъ считается онъ же самъ,—чтобы утверждать, будто онъ—побѣдитель, Самодержавный Русскій Царь, энергичный преобразователь, неутомимый дѣятель вдругъ сталъ въ противорѣчіе

съ самимъ съ собою, добровольно обрекши себя на бездѣйствіе именно въ тѣхъ своихъ провинціяхъ, обладать коими онъ столь горячо желалъ, и, побѣдоносно войдя въ прибалтійскій край, подписалъ такія себѣ ограниченія, къ какимъ *вынуждаемы* бывали развѣ лишь побѣжденные въ борьбѣ съ вассалами или городами короли средневѣковой Европы, да уступившіе давленію буржуазіи „конституціонные монархи нашихъ дней". — Въ третьихъ, наконецъ, самыя опасенія рыцарей на ландтагѣ 1711 г. доказываютъ лишь, что правильный взглядъ на „оговорки" будетъ тотъ, который дѣлаетъ акты, ими снабженные, условными актами. Кромѣ всего этого отмѣтимъ и то, что Левенвольде не былъ никѣмъ уполномоченъ дѣлать подобныя разъясненія, а потому, хотя дворяне и могли такъ или иначе отнестись къ его словамъ, но все-таки слова эти нельзя выставлять источникомъ провинціальнаго права.

Итакъ попытки умалить значеніе оговорокъ въ актахъ о прибалтійскихъ привиллегіяхъ мы не находимъ возможнымъ назвать основательными, а потому и считаемъ, что выставленное нами выше положеніе остается въ силѣ, т.-е., что оговорки эти въ разсматриваемыхъ нами актахъ придаютъ послѣднимъ характеръ условный.

Условія же эти высказаны въ такой формѣ: 1) „однакожъ Наше и Нашихъ Государствъ Высочество и *права* предоставляя безъ предосужденія и вреда“; и 2) „елико оные къ нынѣшнему правительству и времени приличаются“ и т. п.

Но кому же предоставлено право опредѣлять: наступило ли условіе, отъ котораго зависитъ право вносить измѣненія въ опредѣленныя „договоромъ“ правоотношенія? (мы все еще не покидаемъ пока точку зрѣнія договорную), какимъ способомъ рѣшить, когда правительство „вправѣ“ дѣлать нововведенія въ мѣстномъ судебномъ, административномъ и экономическомъ, сословномъ строѣ балтійскаго побережья?

Фактора, третьяго посредника между двумя договорившимися сторонами, фактора, которому предоставлена была бы роль, схожая съ той, какую играетъ та или иная судебная инстанція при регулированіи отношеній частныхъ правовыхъ — нигдѣ не указано. — Существуетъ, правда, другой путь для рѣшенія вопроса о наступленіи или не наступленіи выговореннаго въ договорѣ условія—это рѣшеніе обоюднымъ соглашеніемъ договорившихся сторонъ о томъ: наступилъ ли, или не наступилъ въ томъ или иномъ случаѣ этотъ моментъ, и

въ какой мѣрѣ оправдываетъ онъ измѣненія. А это *въ свою очередь* ведетъ къ учрежденію такого органа, который, будучи представителемъ провинціальныхъ чиновъ предъ правительствомъ, раздѣлялъ бы законодательную функцію, по сколько она касается края, либо не крайней мѣрѣ давалъ бы свое согласіе на введеніе новыхъ законовъ, обусловливаемыхъ измѣняющимися обстоятельствами времени.

Необходимость такого вывода изъ положенія объ условномъ двухсторонномъ договорѣ сознаютъ защитники балтійской конституціи, а потому они и утверждаютъ, что въ силу *аккордованныхъ-де привиллегій* правительство ничего не можетъ предпринять въ дѣлахъ мѣстныхъ безъ соучастія мѣстнаго рыцарства. Но притязаніе это на участіе въ законодательной функціи ни въ чемъ не находитъ себѣ основанія, и доказательствами этому служитъ слѣдующее:

Функція эта, очевидно, могла бы быть предоставлена тѣмъ органамъ въ краѣ, которые представляютъ интересы сословія—ландтагамъ магистратамъ, думамъ, собирающимся *періодически*; или она могла бы быть предоставлена ландратской коллегіи, т. е. комитету изъ 12 ландратовъ, засѣдающему *постоянно*.—Но, какъ извѣстно, опредѣленныя законами для дѣя-

тельности этихъ органовъ періодическія границы весьма и весьма далеки отъ того, что принято называть собраніями законодательными, даже лишь съ совѣщательной компетенціей, и нѣтъ въ ихъ характерѣ ничего такого, чтобы приближало ихъ къ типу такихъ собраній, хотя бы напр. къ средневѣковымъ «штатамъ» (Etats) Франціи, хотя бы даже времена упадка послѣдняго института, а что касается органа постояннаго (для соблюденія интересовъ дворянства) — ландратской коллегіи, то еще въ 1712 году, на просьбу лифляндскаго шляхетства и земства, изложенную въ т. н. «меморіалѣ» (2496) о томъ, *чтобы ничего не могло быть предпринято и рѣшено безъ предувѣдомленія и присутствія* нѣсколькихъ *ландратовъ*, послѣдовалъ такой рѣшительный и недвусмысленный отвѣтъ царскій: «Когда земскія будутъ случаться дѣла, тогда имѣютъ всегда ландраты къ тому допущены быть равно какъ въ шведское время въ обыкновеніи было, *но* чтобъ онымъ судить и опредѣленіе въ дѣлахъ чинить, того имъ позволить не можно.»

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, даже еслибы тогдашніе бароны также уже признавали для того, чтобы всѣ мѣстныя дѣла забрать въ свои руки, необходимость особаго органа, ко-

торый бы дѣлилъ съ Царемъ законодательную власть, то этимъ опредѣленіемъ царскимъ, сдѣланнымъ при самомъ началѣ русскаго надъ балтійскимъ побережьемъ владычества, полагался конецъ такимъ притязаніямъ на ограниченіе самодержавія хозяина земли Русской.

А что дѣйствительно такія намѣренія питались въ то время шляхетствомъ, мы можемъ видѣть указанія между прочимъ въ самой отмѣнѣ (въ 1694 г.) шведскимъ правительствомъ вызваннаго же *имъ самимъ* къ жизни (въ 1643 г.) (а не перешедшаго къ нему какъ достояніе прежнихъ вѣковъ) института ландратской коллегіи, какъ только послѣдняя изъ совѣщательно-исполнительнаго органа, какимъ ее создавали короли, *въ помощь* намѣстнику, мало знакомому съ мѣстнымъ бытомъ, стала силиться превратиться въ сословный органъ ограниченія власти королевской.

Шведское правительство уничтожило ландратскую коллегію, русское правительство возстановило ее, *но* возстановило въ рамкахъ той лишь конституціи, которая ей предоставлена «въ шведское время была».

Отвѣтомъ царскимъ—только что приведеннымъ нами—на «меморіалъ“ шляхетствъ и принятыя послѣднимъ безпрекословно налагалась бы могильная плита на балтійскую «конститу-

цію», если бы таковая существовала дѣйствительно. Тѣмъ больше и тѣмъ безспорнѣе значеніе этого опредѣленія объ отношеніи Царской власти къ балтійскимъ чинамъ, когда никакой «конституціи» мѣстной никогда не существовало, а это мы покажемъ ниже, когда этимъ опредѣленіемъ не мѣнялось ничего въ отношеніи провинціальныхъ чиновъ къ Верховной власти установленномъ вѣками.

И такъ въ виду всего сказаннаго, въ виду столь опредѣленнаго и не двухсмысленнаго устраненія балтійскихъ провинціальныхъ чиновъ отъ участія въ законодательствѣ, касающихся ихъ края, остается сдѣлать только одинъ возможный въ данномъ случаѣ выводъ: *рѣшеніе вопроса о наступленіи* или ненаступленіи указаннаго въ договорѣ *условія предоставляется* всецѣло одной изъ сторонъ т. е. въ данномъ случаѣ *правительству*, а это въ свою очередь является равно-значущимъ подчиненію другой стороны, т. е. въ данномъ случаѣ провинціальныхъ чиновъ, всецѣло сторонѣ рѣшающей (т. е. правительству) безъ права сопротивленія волѣ ея.

Итакъ правительству—повторяемъ мы это еще разъ — предоставляется по указу чинить нововведенія въ этомъ краѣ, какъ скоро старые мѣстные порядки становятся въ противо-

рѣчію съ характеромъ русскаго государства— государства, управляемаго самодержавною властью своего монарха, или же какъ скоро такихъ нововведеній требуютъ нарождающіяся потребности того или инаго времени.

Анализируя характеръ актовъ о прибалтійскихъ привиллегіяхъ, мы до сихъ поръ исходили изъ теоріи о договорѣ Царя съ провинціальными чинами. Сдѣлали мы это въ видѣ временной уступки нашимъ противникамъ въ цѣляхъ всесторонняго обсужденія ихъ доктрины.

Мы пришли затѣмъ къ заключенію, что и съ точки зрѣнія договорной, нападки на дѣйствія правительства, клонящіяся къ измѣненію мѣстнаго балтійскаго судебнаго, административнаго сословнаго и экономическаго строя не основательны, такъ какъ, дѣйствуя преобразовательно на этой окраинѣ русской земли, правительство поступаетъ вполнѣ закономѣрно, verfassungsmässig, какъ выражаются нѣмцы,—въ виду того, что на основаніи самихъ этихъ «договорныхъ» актовъ исключительно предоставлено ему (правительству) такія нововведенія всякій разъ, какъ оно считаетъ это полезнымъ.

Но этого мало. Мы отвергаемъ самую справедливость такой теоріи о договорѣ.

Самое понятіе *уговора* Царя съ балтійскими чинами, какъ основы привиллегированнаго положенія прибалтійскихъ нашихъ губерній, лишено всякой правоты, такъ какъ привиллегіи прибалтійскія обоснованы *не договорами и грамотами*, свободно *пожалованными* Самодержавнымъ Государемъ Русскимъ, Петромъ I. т. е. *односторонними* актами верховной государственной власти—auf einem einseitigem Souveränitätsact beruhend, какъ выражаются нѣмецкіе юристы.

Намъ конечно возразятъ, что, утверждая это, мы очевидно упускаемъ вовсе изъ виду цѣлую серію разныхъ „капитуляцій, и договорныхъ статей,“ аккордныхъ пунктовъ—т. е. актовъ частью характера чисто-договорнаго, подписанныхъ именемъ Русскаго Царя его военоначальниками, частью не носящихъ такого характера, но всетаки по времени предшествующихъ „*жалованнымъ* грамотамъ.“

Нѣтъ, не игнорируемъ мы ихъ, а только не присваиваемъ этимъ актамъ такого значенія, какого они не имѣли и не имѣютъ.—Это истинное ихъ значеніе мы сейчасъ покажемъ.

Истощенная непріятельской осадой та или другая крѣпость рѣшается на капитуляцію и съ этой цѣлью вступаетъ съ побѣдителемъ въ переговоры, выставляя и условія, на которыя

пожелала бы сдаться. Отъ побѣдителя вполнѣ зависитъ, принять или отвергнуть эти условія. Послѣднее дѣйствительно и случилось напр. при сдачѣ Иванъ—города въ 1704 году: комендантъ предложилъ условія, которыя русскому фельдмаршалу показались чрезмѣрно требовательными, на удовлетвореніе коихъ комендантъ, по мнѣнію русскаго военноначальника, не могъ имѣть притязанія, такъ какъ Иванъ-городъ былъ взятъ штурмомъ,—и онъ не согласился на нихъ. Точно также при капитуляціи г. Дерпта въ томъ же году фельдмаршалъ Шереметьевъ написалъ въ отвѣтъ на условія шведскаго коменданта Скитте слѣдующее: «весьма удивляемся, что г. Комендантъ чинитъ столь неумѣренныя требованія... Если онъ желалъ получить согласія на таковыя условія, то ему слѣдовало предложить оныя заранѣе... *но* дабы поступить по христіански... дано будетъ» и т. д. (1985) —Подобное же повторилось и въ 1710 году при сдачѣ Риги, Пернова и Ревеля: на одни изъ предложенныхъ (нерѣдко въ выраженіяхъ весьма рѣшительныхъ—„требуемъ“ и т. п.) осажденными условій русскіе военноначальники не соглашались вовсе, на другія—лишь условно (предоставляя ихъ окончательное рѣшеніе только самому Государю), на третьи—соглашались безусловно.—Изъ всего

этого видно, какъ мало тутъ основанія для утвержденія о какихъ бы то ни было двухъ „равноправныхъ“ сторонахъ.

Несомнѣннымъ является фактъ, что шведскіе военноначальники, коимъ правительствомъ ихъ отечества поручена была защита, принадлежавшихъ Швеціи балтійскихъ провинцій, оставляя за побѣдителемъ ввѣренную имъ область, передавали ее ему на извѣстныхъ условіяхъ, въ числѣ которыхъ выговорены были свободное отправленіе лютеранскаго вѣроисповѣданія и оставленіе въ силѣ мѣстныхъ правъ и привиллегій. Послѣ заключенія такихъ условій шведскіе военноначальники выводили свои войска, на мѣсто коихъ вступали русскіе. Такъ было при сдачѣ Пернова, Риги и Ревеля.

Договорный характеръ сюда относящихся актовъ несомнѣненъ. Но несомнѣнно и то, что договоры эти были заключаемы *со шведами, а не съ балтійцами, не провинціальными чинами балтійскаго поморья. Эти* договоры со шведами носятъ характеръ чисто *временный*, до перваго поворота военнаго счастья, на который шведская сторона все еще надѣялась, какъ это мы сейчасъ увидимъ. Характеръ болѣе устойчивый получили выговоренныя шведами въ договорахъ временнаго характера условія о сохраненіи въ балтійскомъ краѣ лю-

теранскаго вѣроисповѣданія и мѣстныхъ правъ и привиллегій, получили въ силу иныхъ договоровъ — договора международнаго: Ништадскаго трактата и затѣмъ трактата Азовскаго (1743 г.).

Въ обоихъ этихъ трактатахъ Швеція, отказываясь отъ прибалтійскаго края въ пользу Россіи, желаетъ, чтобы въ немъ было сохранено свободное отправленіе лютеранскаго вѣроисповѣданія и пользованіе стародавними привиллегіями.—Наши противники выставляютъ эти оба международныя соглашенія какъ гарантію обособленнаго положенія прибалтійскихъ губерній въ числѣ прочихъ областей Россіи, гарантіи, въ виду коей всякая попытка къ измѣненію мѣстнаго строя въ этой окраинѣ, исходящаго *только* отъ правительства русскаго, является правонарушеніемъ. Правы ли они?

— Нѣтъ, не правы.

Начнемъ съ того, что самое международное соглашеніе вообще является къ сожалѣнію источникомъ права весьма сомнительнымъ. Какъ ни желательно, чтобы элементъ права занялъ наконецъ первенствующее мѣсто въ отношеніяхъ международныхъ, но живая дѣйствительность до сихъ поръ—какъ извѣстно—мало подаетъ надежды на скорое наступленіе такого состоянія. Соблюдаются международ-

ныя обязательства, лишь пока это выгодно для сторонъ, ихъ заключившихъ, либо доколѣ не представляется возможнымъ ихъ нарушить: ни санкціи, ни сдерживающаго характера, инаго, кромѣ простой силы и такъ или иначе сложившихся обстоятельствъ въ международной практикѣ пока нѣтъ, или вѣрнѣе—*почти* нѣтъ. Отсюда всякій, становящійся для защиты своего права только подъ сѣнь международныхъ обязательствъ, вступаетъ на почву зыбкую, вызывая лишь улыбку у практическаго государственнаго дѣятеля и политика, какъ декламирующій красивыя и эффектныя фразы, лишенныя реальнаго содержанія.

Но напоминая этотъ, всѣмъ извѣстный, фактъ изъ нашей дѣйствительности, мы вовсе не намѣрены возражать противникамъ нашимъ только съ этой точки зрѣнія. Нѣтъ, мы станемъ на точку зрѣнія самихъ же нѣмецкихъ теоретиковъ, и отвѣтимъ ихъ же собственными словами на обвиненіе, бросаемое въ глаза Россіи за нарушеніе-де ею торжественно международныхъ обязательствъ.

Во-первыхъ. Не изъ одного изъ трактатовъ не видно, чтобы Самодержавіе русскаго Царя претерпѣвало какія-либо ограниченія въ балтійскомъ краѣ. Посмотримъ, что написано въ Ништадскомъ договорѣ. Ст. 9-я гласитъ: „Его

Царское Величество обѣщаетъ... что всѣ жители провинцій... подъ Свѣйскимъ правленіемъ имѣвшихъ привиллегіяхъ... содержаны будутъ". И такъ, требуется соблюденіе лишь того, что было при Шведахъ! Но носили ли эти права въ то время хотя тѣнь того, что можно было бы назвать ограниченной монархіей, особенно если вспомнить крутыя мѣры Карла XI?!...

Во-вторыхъ. Оба трактата молчаливо признали тѣ акты Петра и его преемниковъ, которыя были изданы въ промежуткѣ времени между договорами со шведами (а не съ балтійцами!) характера временнаго, заключенными при уступкѣ областей этихъ шведскими военноначальниками русскимъ войскамъ, и этими окончательными соглашеніями чрезъ трактаты обоихъ враждовавшихъ государствъ. — А эти молчаливо признанные акты, какъ мы не замедлимъ показать, сохраняютъ за государями русскими ту же ихъ самодержавную власть, которую они проявляютъ въ прочихъ частяхъ своего государства.

Въ-третьихъ. Но если бы Ништадскій договоръ и налагалъ на русское правительство какія-либо ограниченія по отношенію къ управленію прибалтійскимъ краемъ, то, вмѣстѣ съ наступленіемъ условій, поставленныхъ въ

оговоркахъ хартій Царя чинамъ балтійскимъ и признанныхъ молчаливо трактатомъ,—и самый трактатъ потерялъ уже свою силу для Россіи въ той части, которая касается прибалтійскаго края, потому что сами трактаты, ихъ вызвавшіе, перестали быть обязательными.

Дѣло въ томъ, что по ученію нѣмецкихъ юристовъ обязательность международнаго договора нерестаетъ существовать по причинамъ либо правоваго, либо фактическаго характера (factische oder rechtliche Gründe) — къ числу причинъ первой категоріи ими относится— *наступленіе событія, обусловливающаго уничтоженіе договора.* Къ числу причинъ второй категоріи (фактическихъ) считается ими наступленіе такихъ *условій, которыя дѣлаютъ договоръ фактически невозможнымъ* (Dr. A. v. Bulmerincq „Völkerrecht“ 1884 г.).—То и другое мы встрѣчаемъ и въ данномъ случаѣ. Причина характера правоваго, прекращающая дѣйствіе нашихъ трактатовъ, заключается въ наступленіи тѣхъ *условій*, которыя предвидѣны были въ *оговоркахъ* (Clausel), находящихся въ актахъ, коими государи Русскіе надѣляли балтійскія губерніи привиллегіями и кои молчаливо были признаны Швеціей при заключеніи ею мирныхъ договоровъ съ Россіею. — Причина же характера фактическаго, въ силу коей

прекращается дѣйствіе этихъ трактатовъ, заключается въ появленіи съ теченіемъ времени такихъ новыхъ факторовъ, которые сдѣлали соблюденіе договора Россіею невозможнымъ *фактически*.

Если предшествующее обсужденіе вопроса недостаточно еще убѣдило читателя въ справедливости нашего утвержденія о прекращеніи обязательности этихъ международныхъ договоровъ, то онъ найдетъ въ концѣ статьи факты, подтверждающіе еще разъ правильность такого вывода.

Итакъ, вотъ каково положеніе вопроса съ точки зрѣнія чистой теоріи по новѣйшимъ нѣмецкимъ образцамъ. Не лишне будетъ вспомнить и то, что говоритъ намъ исторія.

Какъ извѣстно, во время крупныхъ передѣлокъ мѣстнаго балтійскаго строя Екатериной II, Швеція не вступилась дѣятельно за столь недавно бывшія подъ ея покровительствомъ „провинціи“, но даже ни словомъ не обмолвилась о какомъ-то нарушеніи договора и о намѣреніи стать на стражу его. Промолчала она и при Александрѣ I, промолчала въ отвѣтъ и на мѣропріятія Николая I. Факты эти служатъ лучшей иллюстраціей того воззрѣнія, которое всегда имѣла Швеція на отобранныя ею отъ Россіи завѣренія, касающіяся

прибалтійскихъ губерній; они служатъ доказательствомъ тому, что оба трактата сложены давно въ кучу разнаго хлама, пройдя которую можно договориться до нелѣпѣйшихъ крайностей отжившаго свой вѣкъ легитимизма.—Не лишне, кстати, будетъ отмѣтить и то воззрѣніе, которое всегда обнаруживали практическіе балтійскіе бароны относительно торжественныхъ завѣреній международныхъ съ прибавкой „на вѣчныя времена“: при каждой перемѣнѣ царствованія тянулись ихъ депутаціи въ столицу и тамъ выпрашивали себѣ новую хартію.

Но вотъ рядомъ съ дѣйствительно договорнаго типа актами при самомъ занятіи русскими войсками прибалтійскихъ областей мы встрѣчаемъ еще иные. Дѣло въ томъ, что за спиною военныхъ парламентеровъ шведскихъ, являвшихся въ русскій лагерь, выступали робко депутаты отъ мѣстныхъ горожанъ и отъ мѣстнаго шляхетства съ листами, на которыхъ были подробно изложены тѣ права ихъ и преимущества, сохраненіе коихъ было особенно имъ дорого.—Несомнѣнно, что на самую существенную часть, изложеннаго на этихъ листахъ, русскіе военноначальники согласились, *но* несомнѣнно и то, что всѣ эти листы заключали въ себѣ ничто иное, какъ *просьбы* (а не

контракты). „Понеже Рыцарству и Земству сей провинціи—говорили Лифляндцы — *милостиво предоставлено*, чтобъ они... полезныя кондиціи *выпросили*, того ради ихъ *всепокорнѣйшее... прошеніе* въ томъ состоитъ и т. д.“ (2277); или такъ: „пункты, которые господамъ депутатамъ города (Риги) и гражданъ... даны, дабы... оные *исходатайствовать*“ (2278) или же: „благородное шляхетство и земство (Эстляндское) *всеподданнѣйше просятъ о всемилостивѣйшемъ подтвержденіи* слѣдующихъ пунктовъ (2299)...

Какъ далеки всѣ эти акты отъ типа договоровъ между двумя равноправными сторонами, за какія хотятъ ихъ выдать наши противники, — видно еще и изъ слѣдующаго отвѣта Шереметева Рижанамъ: „*хотя-бъ мы могли*,—пишетъ русскій фельдмаршалъ,—съ магистратомъ и съ прочими гражданами г. Риги такимъ образомъ поступать, какимъ поступано, когда они были подъ королевской шведскою властью“ (какъ извѣстно нецеремонившеюся съ балтійцами)—„и повелѣніемъ, *однако* не токмо имъ, но и всей шляхтѣ содержано будетъ какъ въ выданныхъ универсалахъ обѣщано“ (2277 отв. на п. 46).—Такія слова можетъ говорить лишь побѣдитель побѣжденному, а не контрагентъ контрагенту.

Но кромѣ всего сказаннаго эти акты, подобно договорамъ съ шведскими военноначальниками, носятъ характеръ чисто-*временный*. Доказательствомъ этого служатъ находящіяся и въ тѣхъ и другихъ оговорки на случай уступки ихъ Россіей снова Швеціи, или иному государству.

Такъ, изъ аккордованныхъ шляхетсву эстляндскому пунктовъ, 14-й гласитъ: „если наконецъ чрезъ измѣненіе будущихъ временъ или посредничество другихъ державъ сія земля снова уступлена будетъ Шведской коронѣ или другому Государю, то *всеподданнѣйше просятъ*.. всѣ сіи... пункты сохранить имъ по своей Верховной Власти и могуществу“, а въ отвѣтъ на просьбу ту читаемъ тутъ же: „*буде* г. Ревель и Герцогство Эстляндское по воспослѣдовавшемъ мирѣ.. *снова отойдутъ къ Шведской коронѣ*, то Его царское Величество будетъ за нихъ ходатайствовать, чтобы всѣ ихъ привиллегіи... имъ сохранены были“ (2299).— Подобныя оговорки красной нитью проходятъ чрезъ всѣ акты этого типа. При капитуляціи напр. Риги пунктъ 62 гласитъ: „желаемъ обнадеживанія, что при отданіи сего города Его Королевскому Величеству Государю моему Всемилостивѣйшему... ни въ чемъ не произошло никакого предосужденія; а ежели бы при за-

ключеніи будущаго мира г. Рига какъ во владѣніе Его Королевскаго Величества Шведскаго былъ отданъ, дабы... все паки было возращено" (2277). Въ аккордованныхъ пунктахъ шляхетства Лифляндскаго говорится: „когда правленіемъ Божескимъ чрезъ мирный трактатъ сія провинція паки кормѣ Шведской отдается, то *просятъ.. покорнѣйше*, чтобъ... никому вообще, ниже особливо предосудительно и вредительно быть не могло" (2279. п. 30) Точно также при капитуляціи г. Пернова въ п. 38 оговаривается: „отъ Его Царскаго Величества такожде обнадеженность именно требуется, чтобъ сія сдача крѣпости и города Его королевскому Величеству Шведскому... ни въ чемъ предосужденія никакого не принесла; такожъ ежели чрезъ послѣдующій миръ сей городъ и крѣпость въ подданство Его Королевскаго Величества Шведскаго паки попадется.. все.. возвращено быть имѣетъ" (2279) Капитулируя вмѣстѣ съ г. Ревелемъ Паткуль такъ же оговариваетъ: „обнадеженность весьма требуется, чтобъ сія сдача сей крѣпости.. Его Королевскому Величеству Шведскому... не въ чемъ предосужденія не учинили" (2297 п. 27),—а изъ пунктовъ, представленныхъ депутатами отъ города, 32-й гласитъ такъ: „Ежели же оба Высокіе Государи чрезъ заключеніе — дай Боже

скорѣе—мира такъ согласятся, что сей городъ и земля.. коронѣ шведской паки уступлена будетъ... чтобъ сія по важнымъ причинамъ учиненная сдача подъ защиту Его Царскаго величества сему городу.. въ.. привиллегіяхъ... никакимъ образомъ во вредъ.. необратилось".

Итакъ, вотъ каковъ характеръ этихъ актовъ: съ одной стороны они суть ни что иное какъ *просьбы* побѣжденнаго у побѣдителя, *великодушно* (см. приведенный выше отвѣтъ Шереметева 2277 п. 46) исполняемыя послѣднимъ, съ другой стороны это акты, предназначенные *временно* нормировать взаимныя отношенія побѣдителя и побѣжденнаго, пока не смолкнутъ клики войны, пока не водворится снова миръ, пока не будутъ заключены между двумя воюющими Государями окончательныя соглашенія, рѣшающія судьбу балтійскаго края.

Характеръ устойчивый получили мѣстныя права и преимущества подъ новымъ владычествомъ только въ силу послѣдующихъ царскихъ жалованныхъ грамотъ. Не на этихъ временныхъ актахъ, слѣдовательно, должно основываться и привилигированное положеніе прибалтійскихъ губерній.

Итакъ, истинное основаніе обособленному положенію этихъ губерній, по присоединеніи ихъ къ Россіи, положено жалованными грамотами дан-

ными мѣстному шляхетству и городамъ частью уже въ 1710 году, частью въ 1712 г. — Уже самое ихъ появленіе служитъ тому доказательствомъ: если бы вопросъ о томъ, каково положеніе займетъ балтійская окрайна въ средѣ прочихъ частей Россіи, уже былъ рѣшенъ актами, появившимися при самомъ завоеваніи ея, то очевидно не зачѣмъ было бы издавать новые акты.

Если уже „аккордатные пункты“ носятъ характеръ актовъ, лишь удовлетворяющихъ *просьбы* побѣжденнаго великодушнымъ его побѣдителемъ, то въ жалованныхъ грамотахъ *тѣмъ болѣе* рѣшительно господствуетъ черта, — которая даетъ имъ характеръ *одностороннихъ актовъ*, исходящихъ отъ Самодержавной Верховной власти и заключающихъ въ себѣ *только милости* царскія по отношенію къ провинціальнымъ чинамъ балтійской окрайны.

Такъ напр. въ жалованной грамотѣ городу Ригѣ Петръ I прямо говоритъ: „понеже Рига.. о нашемъ милостивѣйшемъ подтвержденіи.. *подданнѣйше просила*. Сего ради Мы, цесарски Милостиво, имъ того *отрещи не хотѣли*“ (2302) и т. д.—Въ жалованной грамотѣ дворянству Лифляндскому говорится: „понеже Намъ... по капитуляціи.. сдались и подданными учинились и.. *всеподданѣйше просили*, дабы Мы... всѣ..

привиллегіи.. милостиво подтвердили. Того ради преемля въ милостивѣйшее разсужденіе, что.. прежнимъ государямъ.. всегда усердную вѣрность и добрыя услуги оказывали и намъ.. обѣщали.. *разсудили..Императорскою Милостью позволить..* всѣ ихъ привиллегіи.. однакожъ Наше и нашихъ Государствъ Высочество и права представляя безъ предосужденія и вреда" (2301). Въ жалованной грамотѣ дворянству Эстляндскому читаемъ: „понеже наши подданные.. чрезъ.. ландратовъ.. *просили*, того ради Мы имъ *по.. милости и благосклонности въ оныхъ отказать не захотѣли*" (2495). Въ жалованной грамотѣ Ревелю Петръ I говоритъ такъ: „понеже Ревель.. подъ Нашу власть пришелъ; того ради ихъ *привиллегіи... подтверждены*, якоже помянутый городъ *Ревель всеподданнѣйше* о томъ просилъ. Того ради *мы, изъ* Цесарской *милости въ томъ* имъ *отрѣщи не хотѣли*" (2501).

Можно ли — повторяемъ — въ виду этихъ данныхъ говорить о какомъ то договорѣ Царя съ чинами, какъ о договорѣ двухъ равныхъ контрагентовъ? Возможно ли утверждать, что и въ данномъ случаѣ несоблюденіе договора одной стороной даетъ право и другой считать себя свободной отъ принятаго обязательства?

Или эти жалованныя грамоты такъ же ни-

что иное, какъ „вѣроломныя“ нарушенія „балтійской конституціи“? Но если это такъ, то почему же Ништадскій договоръ—на который такъ любятъ сылаться наши противники, какъ на гарантію ихъ мѣстныхъ правъ—ни единымъ словомъ не обмолвился объ этомъ; почему это соглашеніе характера международнаго не постаралось исправить этотъ роковой инцидентъ, измѣняющій весь строй взаимныхъ отношеній Царя и поморскихъ чиновъ, почему, напротивъ того, трактатъ этотъ молчаливо призналъ тотъ порядокъ отношеній Русскаго Правительства къ своей окраинной области, который столь ясно намѣченъ въ жалованныхъ грамотахъ Петровыхъ. Очевидно потому, что ни „вѣроломства“, ни подтасовки тутъ не было, и жалованныя грамоты считались актами вполнѣ соотвѣтствующими тому характеру отношеній, которыя единственно были возможны и допустимы: отношеній вѣрноподданныхъ къ государю Самодержавному.

И сами „Остзейцы“, очевидно, всегда раздѣляли высказанный нами взглядъ: иначе не зачѣмъ-бы имъ при каждой перемѣнѣ царствованіи спѣшить заручиться новой царской грамотой.

Такой же точно смыслъ и значеніе имѣли и жалованныя грамоты преемниковъ Петро-

выхъ. Екатерина I—менѣе всего была склонна вносить новыя принципы въ свою политику, которые расходились бы съ принципами въ Бозѣ почившаго ея супруга—даруя привеллегированное положеніе Лифляндскому шляхетству, она говоритъ: „по воспослѣдовавшемъ нашемъ вступленіи въ *Самодержавное* правительство нашей Всероссійской Имперіи, на ихъ *всеподданнѣйшее прошеніе* всемилостивѣйше поступить соизволили, дабы тѣмъ... рыцарство и земство... толь паче побуждены были... вѣрить къ намъ.. утвердить, и тако чрезъ сіе.. привиллегіи.. подтверждаемъ.. елико оные къ нынѣшнему правительству и времени приличаются“. Тоже самое сказано въ грамотѣ Эстляндскому дворянству: „по воспослѣдованномъ нашемъ вступленіи въ Самодержавное правительство;“... тоже буквально и въ грамотѣ г. Ревелю.—Петръ II говоритъ въ своей грамотѣ: „указали Мы по прошенію рыцарства... Лифляндскаго на прежнія ихъ *права, которыя Дѣдъ Нашъ*.. Петръ Великій.. *такожъ и Бабка* наша конфирмовать соизволили, оныя *Всемилостивѣйше подтвердить*“.(5300). Государыня Анна Іоанновна говоритъ: „мы по вступленіи нашемъ въ *Самодерживное* правительство, съ Высокой Нашей Императорской *Милости* имъ генеральную конфирмацію.. пожаловали“ (5606). Въ

грамотѣ Государыни Елизаветы Петровны значится слѣдующее: „понеже.. нынѣ въ Самодержавнѣйшее Наше на престолъ вступленіе въ вѣрности Намъ, *яко своей Самодержавной* Государынѣ.. присягу учинили и *потомъ*.. чрезъ присланныхъ отъ нихъ депутированныхъ.. *всеподданнѣйше* намъ представили... *всенижайше* прося дабы и Мы... изъ Высочайшей Нашей Императорской милости, такожде всѣ ихъ.. привиллегіи... Всемилостивѣйше подтвердить и *пожаловать* благосоизволили... *на то* ихъ всеподданнѣйшее *прошеніе... снисходительны явиться соизволили*“. (8575). То же самое въ грамотѣ г. Ригѣ: „всеподданнѣйшее въ вѣрности... *яко своей Самодержавной* Императрицѣ.. присягу учинили и потомъ.. всеподданѣйше намъ представили.. въ томъ имъ *отрещи не восхотѣли*“ (8614). Тоже въ жалованной грамотѣ г. Ревелю: „и нынѣ.. въ вѣрности *яко своей Самодержавной Государынѣ* присягу учинили“.

Возможно-ли выражаться яснѣе? Или эти акты свидѣтельствуютъ о „вѣроломномъ“ нарушеніи „балтійской конституціи“?! Но въ такомъ случаѣ, почему-же нигдѣ не видно и намековъ на жалобы несчастныхъ балтійцевъ, лишенныхъ правъ своихъ; почему въ состоявшемся въ 1743 году Абовскомъ мирномъ трак-

татѣ между Россіей и Швеціей, въ которомъ еще разъ упоминается о привиллегіяхъ балтійскихъ, ничего не сказано ни о „вѣроломномъ“ нарушеніи ихъ русскимъ правительствомъ, ни о томъ, что грамоты Петровыхъ преемниковъ вносятъ новый смыслъ въ установленныя первоначальныя правоотношенія? Потому, очевидно, что ничего измѣнено не было, и акты—приведенные нами сейчасъ—преемниковъ Петровыхъ выражали только то, что установлено было самимъ Петромъ при соединеніи балтійскаго края къ Россіи.

Но и самъ Петръ I не внесъ никакихъ ограниченій въ правахъ прибалтійскихъ чиновъ въ пользу Верховной власти. Въ Ништадскомъ договорѣ, ст 9, онъ: „...обѣщаетъ... что всѣ жители провинцій *подъ Свѣйскимъ правленіемъ имѣвшихъ* привиллегіяхъ... содержаны будутъ“. Каково-же было положеніе балтійскаго края до покоренія его русскими? И до русскаго покоренія балтійскій край никакимъ конституціоннымъ устройствомъ прежними своими властителями надѣленъ не былъ. Стоитъ взглянуть на хартіи прежнихъ государей, чтобы убѣдиться, что онѣ совершенно такого же типа, какъ и хартіи Петра и преемниковъ его.—Въ грамотѣ Императора Карла V, 30 окт. 1527 г., сказано: „не въ предосужденіе однакожъ Намъ, Им-

періи Нашей, нашимъ властямъ и всякому имѣющему законныя права"; въ грамотѣ датскаго короля Фридриха II, 14 марта 1562 г., сказано: „не въ предосужденіе однакожъ нашему и нашего Королевскаго Величества верховному обладанію и другихъ правилъ". Даже Сигизмундъ Августъ 26 дек. 1561 г., прибавляетъ: „предоставляя однакожъ себѣ во всѣхъ пунктахъ, статьяхъ и условіяхъ вышеупомянутаго соединенія права Высочества и Верховнаго обладанія и всѣ регаліи и преимущества, принадлежащія Намъ и Великому Герцогству Нашему". Въ грамотѣ Стефана Баторія, 16 ноября 1582 г., сказано: „но съ тѣмъ, что все вышеупомянутое не было противно данной Намъ присягѣ на подданство и вѣрность и публичному праву." Грамоты Христины 1648 г., Гедвиги Элеоноры 1663 г. и Карла XI 1678 г. оговариваются: „однакожъ Наше и Нашихъ Государствъ Высочества и права, предоставляя безъ предосужденія и вреда." Въ грамотѣ Густава Адольфа, 17 сент. 1613 г., равно какъ и 24 ноября 1617 г. сказано: „елико онѣ не противны Королевскимъ Регаліямъ и правамъ."—Кажется, все это исключаетъ возможность упрекнуть грамоты въ неясности.

Итакъ, изъ всего приведеннаго можно сдѣ-

лать одно лишь заключеніе: даруя привиллегіи балтійскому краю, властелины и не помышляли ограничивать свою собственную Верховную власть въ пользу провинціальныхъ чиновъ. Этотъ взглядъ и былъ ясно высказанъ между прочимъ Густавомъ Адольфомъ, который, принимая въ 1629 году депутатовъ изъ балтійскаго края и видя въ нихъ желаніе противиться нѣкоторымъ своимъ мѣрамъ, крикнулъ на нихъ въ присутствіи всего государственнаго совѣта, прибавивъ грубымъ языкомъ того времени: „если-бы я ранѣе зналъ, что вы такіе ослушники и грубіяны, то не подтвердилъ бы я вашихъ привиллегій, а послалъ бы васъ ко всѣмъ чертямъ“! (Beiträge zur Kunde Est-Liv-und Kurland Band. III. Heft I. Reval 1882 статья В. Грейфенхагена).

Намъ возразятъ, пожалуй, еще слѣдующее. Всѣ приведенныя мѣста изъ хартій суть ничто иное какъ мѣстная лишь форма, которая маскируетъ фактическое самоограниченіе власти монарха, издающаго такую хартію. Подобныя пышныя фразы встрѣчаются нерѣдко въ тѣхъ т. н. „октронтованныхъ“ (т. е. жалованныхъ) конституціонныхъ актахъ, преобразовавшихъ то или иное государство Европы изъ монархіи абсолютной въ монархію ограниченную (конституціонную).

Если такое толкованіе и могло бы имѣть мѣсто, то только при наличности одного условія, а именно—*гарантіи* того, что ограниченіе верховной власти останется не на бумагѣ только; а главной такой гарантіей и является раздѣленіе между правительствомъ и народомъ функціи законодательной, хотя бы только сводящееся къ контролю.—Поэтому существованіе законодательнаго корпуса (въ той или иной формѣ, съ той или иной компетенціей) и составляетъ всегда внѣшній признакъ, общій всѣмъ государствамъ этого типа.—Какъ нами уже было указано при разсмотрѣніи теоріи договора, ничего подобнаго нѣтъ въ случаѣ, нами разматриваемомъ. Напротивъ того, мы встрѣчаемся съ прямымъ и не двухсмысленнымъ отклоненіемъ всякой попытки участія провинціальныхъ чиновъ въ законодательной дѣятельности: „чтобъ ландратамъ судить и опредѣленіе въ дѣлахъ земскихъ чинить, того имъ позволить не можно“ отвѣтилъ Петръ I на „Меморіалъ“ Лифляндцевъ въ 1712 году. Отвѣтъ этотъ, повторяемъ, сдѣланъ былъ на слѣдующую просьбу: „чтобы въ Лифляндскихъ дѣлахъ ничего безъ предувѣдомленія и присутствія нѣсколькихъ изъ здѣшнихъ ландратовъ и рѣшено быть не должно“ (п. 5).

А что такой органъ безусловно необходимъ,

если имѣется въ виду *дѣйствительное* ограниченіе правительственнаго всевластія, понимали уже англійскіе бароны XIII столѣтія, учреждая комитетъ 25 для наблюденія за исполненіемъ только что добытой ими отъ Іоанна «Великой хартіи»; понималъ это и Симонъ Монфортскій съ т. н. «сумасшедшимъ парламентомъ», принудивъ Генриха III къ подписанію «оксфордскихъ провизій». Что такой органъ можно себѣ *постепенно* пріобрѣсти безъ шума и кровопролитія лишь при наличности благопріятныхъ къ тому условій, понимали хорошо и лифляндскіе бароны, поднося Царю при вступленіи своемъ въ составъ членовъ русскаго государства къ утвержденію хартію Сигизмунда Августа отъ 1561 года, которая *при условіяхъ* могла бы еще вызвать постепенное развитіе своего рода балтійскаго парламента.—*Но* тогда какъ короли англійскіе, росписываясь на баронскихъ хартіяхъ, полагали начало современному конституціонному устройству Англіи, Царь русскій отвергнулъ въ своемъ отвѣтѣ на «Меморіалъ» просьбу о подтвержденіи этой существенной части Сигизмундовой грамоты, разъ на всегда укрѣпилъ на балтійскомъ приморьѣ свою Царскую самодержавную власть, свободную отъ всякихъ ограниченій, свободную отъ баронскаго и инаго

вмѣшательства.—Получивъ отказъ, лифляндцы подчинились царскому рѣшенію—признали, слѣдовательно, въ немъ Государя Самодержавнаго.

Въ то же время нигдѣ не значится, чтобы Самодержавный Русскій Государь отдѣлилъ прибалтійскій край отъ прочей Россіи. Напротивъ того, тотчасъ по завоеваніи края, Петръ I включилъ его въ составъ государства: онъ присоединилъ къ Лифляндіи область Смоленскую и далъ общее названіе—Рижской губ., чѣмъ съ самого начала изъялъ изъ употребленія старинное названіе Лифляндія. Слѣдуетъ отмѣтить, что все это было еще въ 1713 году, т. е. до Ништадскаго мирнаго договора, который и на это распоряженіе новаго правительства не возразилъ. Нигдѣ не значится и того, чтобы законы для прибалтійскаго края издавались, отмѣнялись, замѣнялись другими, порядкомъ особымъ, отличнымъ отъ принятаго для остальныхъ частей Россіи.—Законовъ основныхъ статья 47 гласитъ, что «Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, отъ Самодержавной власти исходящихъ». И эта же статья повторена въ заголовкѣ «свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ, который представляетъ собою ничто иное, какъ кодификацію всѣхъ вышед-

шихъ до Николая I узаконеній для прибалтійскаго края; ст. 2 этого же мѣстнаго свода гласитъ такъ: «Заимствуя силу свою, такъ же какъ и законы общіе отъ единой власти самодержавной, сіи (т. е. мѣстныя) узаконенія простираются на тѣ только губерніи и области, коимъ они особенно предоставлены»... Подлежитъ ли послѣ всего сказаннаго какому либо сомнѣнію, что толкованіе о какомъ то ограниченіи Самодержавной власти русскаго Государя «въ качествѣ герцога Лифлянскаго Эстляндскаго и Курляндскаго», лишено всякой твердой почвы, всякой правоподобности. Итакъ на основаніи всего изложеннаго, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Привиллегіи прибалтійскія основаны на двухъ источникахъ:

1) На *договорахъ* шведовъ (а не балтійцевъ) съ русскими. Эти договоры двухъ видовъ — одни изъ нихъ носятъ временный характеръ, будучи заключены шведскими военноначальниками съ русскими при уступленіи послѣднимъ областей; другіе—носятъ характеръ постоянный, будучи мирными трактатами обоихъ враждовавшихъ государствъ, Россіи и Швеціи.

Но этими договорами власть самодержавная Русскаго Царя, по отношенію къ прибалтійскому краю, не только не ограничивалась, но

прямо признавалась молчаливо. — Нынѣ эти международные договоры утратили впрочемъ свою обязательность.

2) На *жалованныхъ* одностороннихъ актахъ Верховной Власти, всемилостивѣйше дарованныхъ русскими Самодержцами по всеподаннѣйшимъ просьбамъ прибалтійскихъ чиновъ подъ извѣстными условіями.

Но въ этихъ актахъ самодержавіе русскаго государства по отношенію къ прибалтійскому краю не только не ограничивается, но прямо разъ на всегда утверждается.

Нынѣ дарованныя въ этихъ грамотахъ привиллегіи потеряли силу, такъ какъ условія, подъ которыми онѣ были пожалованы давно уже наступили.

Основываясь на этихъ выводахъ, всѣ попытки представить Верховную Власть Государя Русскаго «въ качествѣ Герцога Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго», ограниченнаго «мѣстнымъ конституціоннымъ строемъ Балтійскаго края», равно какъ и попытки основой взаимныхъ отношеній русскаго правительства и прибалтійскихъ чиновъ выставить договоръ ихъ, какъ двухъ равныхъ сторонъ, договоръ, коего слѣдовъ нигдѣ нѣтъ—мы объявляемъ дерзкой ложью.

Правительство могло въ теченіе времени огра-

ничивать собственную власть въ краѣ, могло сводить ее даже до минимума, руководствуясь тѣми или иными политическими соображеніями, подчиняясь тѣмъ или инымъ тенденціямъ эпохи. Но все это было бы только актомъ свободной его воли, а отнюдь не вытекало изъ начертаннаго въ его хартіяхъ провинціальнымъ чинамъ.

Задача наша исчерпана. Но намъ не хотѣлось бы остановиться на этихъ разсужденіяхъ теоретическихъ, не указавъ хоть вкратцѣ на ту правду внутреннюю, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, касающихся прибалтійскаго края.

Когда Петръ I жалованными грамотами подтверждалъ весь балтійскій стародавній сословный, административный и судебный строй, онъ хорошо зналъ, что дѣлалъ. Поступалъ-ли онъ при этомъ правильно—это иной вопросъ, но онъ послѣдовательно и логично дѣлалъ заключенія изъ самимъ имъ поставленныхъ посылокъ.

Онъ радъ былъ имѣть подъ державой своей новыхъ подданныхъ, „настоящихъ“ Европейцевъ точно такихъ, какими онъ хотѣлъ видѣть и своихъ русскихъ. Эти новые подданные принадлежали къ иной культурѣ, жили

дотолѣ своимъ обрядомъ, своими законами. Подчиняясь его державѣ лишь *вынуждено* (что они и сами не скрывали, ясно указывая это напр. въ Ревельской капитуляціи) они боялись мало знакомой имъ, появившейся вдругъ изъ дремучихъ лѣсовъ Московіи силы и просили оставить ихъ стародавній складъ быта и старинныя ихъ права, примѣшивая впрочемъ къ страху предъ неизвѣстной имъ еще властью личные и своекорыстные мотивы.

Отсюда, чего, казалось, проще, удовлетворить ихъ просьбы и тѣмъ успокоить ихъ, внушить довѣріе къ новому правительству, побудить ихъ тѣснѣе сблизиться съ новымъ отечествомъ, и это тѣмъ болѣе, что самый ихъ строй и „обычности“ не только не были царю антипатичны, но напротивъ это казалось ему „христіанскими достохвальными обыкностями“, „хвальными земскими обыкностями“, „христіанской хвалы достойными“, тѣмъ болѣе, что край этотъ вѣдь „весь нѣмецкій есть,“ а потому и не „справедливо есть,“ чтобы въ присутственныхъ мѣстахъ употребляли иной языкъ кромѣ нѣмецкаго, тѣмъ болѣе, быть можетъ, это „несправедливо есть“, коли даже самъ онъ, коренной москвичъ, подписывался „Piter“. И вотъ со словъ его твердили на всѣ лады его военно-

начальники въ отвѣтахъ своихъ на просьбы прибалтійцевъ, что царь-де пришелъ не разрушать, а сохранять и — учиться (напр. по поводу сохраненія Университета, ревельскихъ гимназій.) Крайне небходимо было Петру это побережье, какъ обезпечивающее доступъ къ морю, какъ сближающее Россію съ Европой; усилія его и его предшественниковъ добыть этотъ цѣнный кусокъ земли, были огромны — слѣдовательно, нужно было сдѣлать все зависящее отъ него, чтобы удержать за собой это пріобрѣтеніе. И вотъ Петръ старается на первыхъ же порахъ привязать къ себѣ тѣснѣе этотъ край, и съ этой цѣлью милостями своими старается—насколько это не вредитъ державѣ его—превзойти шведское правительство, дѣйствія коего вызывали среди поморянъ неудовольствіе. Такую политику онъ даже ничѣмъ не маскируетъ, а заявляетъ во всеуслышаніе: „дабы такимъ образомъ тѣмъ, кои побуждены были присяжную свою подданную вѣрность къ намъ утвердить“. Со словъ его и его преемники повторяютъ, даруя балтійцамъ привиллегію: „дабы такимъ образомъ толь паче побуждены были присяжную свою подданную *вѣрность къ намъ и къ нашей Россійской имперіи* утвердить“.

Привиллегіи эти давались однако только

мѣстнымъ *нѣмцамъ*. Но тѣ были хозяева края, и изъ за нихъ правительство наше не видало другихъ народовъ, сидѣвшихъ на томъ же поморьѣ. Правда, не безъизвѣстно ему было, что и тутъ существуютъ крестьяне, что эти крестьяне не нѣмцы, а латыши и эсты, но вѣдь они были закрѣпощены и находились на положеніи частной собственности въ рукахъ своихъ господъ. Гражданскія права имѣли только рыцари, да горожане, а это были все нѣмцы, и вотъ за ними то права ихъ и были закрѣплены....

Но вотъ въ періодъ отъ начала до половины текущаго столѣтія произошло въ краѣ этомъ освобожденіе крестьянъ, и въ мѣстномъ общественномъ и правовомъ строѣ объявился новый факторъ. Этотъ факторъ былъ цѣлое, призванное къ участію въ правахъ и общественной жизни, сословіе. Старыя рамки оказались вдругъ узкими; въ стародавнихъ формахъ—наслѣдіи вѣковъ—не умѣщалось новое содержаніе, status quo—стало невозможнымъ, и народившіяся вновь потребности вынуждали искать и новыхъ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Въ краѣ, считавшемся нѣмецкимъ оказалось $^{9}/_{10}$ всего населенія, безъ малаго 2 милліона, не нѣмецкаго и кучка въ сотни двѣ тысячъ привеллегированныхъ колонистовъ изъ Германіи.

Въ то же время оказалось, что въ краѣ существуетъ такое количество кореннаго русскаго населенія, численностью не многимъ уступающаго количеству привеллегированныхъ нѣмцевъ. Такимъ образомъ мѣстный строй, весь основыванный на привиллегіяхъ меньшинства, долженъ былъ стать въ противорѣчіе съ живой дѣйствительностью, а соотвѣтственно съ этимъ и „мѣстныя обыкности“ перестать быть „христіанской хвалы достойными“.

Что же дѣлать при такихъ условіяхъ правительству, если обезземеленный здѣсь крестьянинъ остался подчиненнымъ произволу помѣщика, какъ начальника вотчинной полиціи въ то время, какъ въ остальной Россіи (что этому крестьянину весьма хорошо вѣдомо) крестьянинъ есть собственникъ своей земли и вполнѣ назависимъ отъ „барина“; если съ крестьянина требуется плата въ размѣрѣ, превышающемъ то, что онъ способенъ внести, а контрактъ обязываетъ его работать болѣе того, къ чему его обязывало крѣпостное состояніе—въ то время, какъ въ остальной Россіи этого нѣтъ и въ поминѣ. — Что дѣлать правительству, если съ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ сословій связывается здѣсь тѣсно вопросъ объ отношеніяхъ національности пришлой къ національности туземной;

если туземцы, т. е. большинство, просятъ распространенія и на нихъ благотворнаго для нихъ дѣйствія законовъ, обществу дарованныхъ, а привиллегированные заморскіе насельники края, т. е. меньшинство, не только всячески возстаютъ противъ того, но даже, въ качествѣ мѣстныхъ и административныхъ властей, наказываютъ за такія просьбы, какъ за возмущеніе противъ установленнаго порядка (за примѣрами ходить не далеко); если туземцы не хотятъ быть нѣмцами, а привиллегированное меньшинство нѣмечитъ ихъ насильственно; если правительство выдаетъ изъ казны своей деньги на общее образованіе, а училища превращаются привиллегированнымъ меньшинствомъ въ разсадники чужой, иноземной культуры и заморскихъ національныхъ стремленій; если землевладѣлецъ, изъ русскихъ, не имѣетъ здѣсь правъ равныхъ съ землевладѣльцами, происхожденія иноземнаго; если русскіе люди, не понимая ни слова по нѣмецки, вынуждаются прибѣгать къ судамъ нѣмецкимъ, чуждымъ имъ по языку и по духу; если русскіе систематически устраняются здѣсь отъ общественныхъ должностей, какъ только къ тому является какая либо возможность.

Что дѣлать правительству, если съ вопросомъ о соотношеніяхъ большинства и меньшинства

поморянъ связанъ вопросъ религіозный; если лютеранство—толкуя о свободѣ совѣсти, производитъ насиліе надъ совѣстью туземца; если всякими средствами оно старается преслѣдовать сектанство, и если всякій переходъ въ православіе влечетъ за собой повышеніе арендной платы за участокъ, а то такъ и просто изгнаніе неофита съ арендуемой имъ земли, если питающій пристрастіе къ православію школьный учитель теряетъ изъ за этого мѣсто, если сама церковь православная находится въ краѣ фактически въ угнетеніи.

Что дѣлать правительству, если всѣ мѣстныя присутственныя мѣста, административныя и судебныя, дѣйствуя его именемъ, творятъ многое противъ его видовъ; если правительство не въ силахъ проникнуть въ тайну мѣстныхъ сословныхъ собраній, когда находитъ это необходимымъ; если оно не можетъ быть увѣреннымъ, что всякое его распоряженіе, которое оно желало бы сдѣлать извѣстнымъ крестьянамъ, дѣйствительно, будетъ сообщено имъ дворянской вотчинной полиціей, состоящей изъ выборовъ дворянами дворянъ?...

Что дѣлать? Начинать ли соотвѣтствующія преобразованія, на которыхъ правительство имѣетъ и фактически и юридически полное право, или бездѣйствіемъ объявить, что Россія

цѣной многихъ жертвъ и лишеній отвоевала этотъ нужный ей край у Швеціи для того лишь, чтобы удержалась здѣсь и угнеталась русская народность, чтобы насильно было предано на произволъ нѣмецкому меньшинству большинство туземцевъ, чтобы нѣмечилось оно противъ собственнаго желанія. Или дожидаться, пока общественное мнѣніе всей земли русской преисполнится негодованіемъ противъ оскорбительныхъ для чести народной порядковъ въ этомъ краѣ. Или предать самый этотъ край волненіямъ и смутамъ?!...

Вотъ когда получаетъ реальное значеніе и смыслъ оговорка Петра и его преемниковъ при надѣлѣ нѣмцевъ этого края привиллегіями: „однакоже Наше и Нашихъ Государствъ Высочество и права представляя безъ предосужденія и вреда“!

Есть и другая сторона въ данномъ случаѣ. Это вопросъ о несоотвѣтствіи вообще привиллегій съ современнымъ бытовымъ строемъ.

Гдѣ при наличности разныхъ классовъ общества и разныхъ національностей одному классу, одной національности даются такія права, которыя оставляютъ въ ущербѣ остальныхъ, то неминуемымъ слѣдствіемъ будетъ злоупотребленіе стороны привиллегированной и стѣсненія, порождающія раздраженіе и недоволь-

ство другой. Между тѣмъ, для общаго благополучія необходимо свободное развитіе всѣхъ общественныхъ силъ.—Привиллегіи сословныя, цеховыя и пр. средневѣковыя стѣсненія отошли безвозвратно въ область исторіи, будучи отмѣненными всюду гдѣ они существовали, всюду—за исключеніемъ нашего балтійскаго поморья, гдѣ они до сихъ поръ еще красуются въ качествѣ «средневѣковыхъ окаменѣлостей», представляя собою «музей рѣдкостей феодальныхъ». Въ 1710 г. никто не протестовалъ противъ всѣхъ этихъ привиллегій, нынѣ протестуетъ все двухъ-милліонное большинство населенія края и общественное мнѣніе всей Россіи.

Вотъ когда получаетъ смыслъ другая оговорка Петра I, впослѣдствіи занесенная и Екатериной I въ ея жалованную грамоту,—подтверждающая балтійцамъ ихъ привиллегіи: «елико оныя къ нынѣшнему правительству и *времени* приличаются»!..

Итакъ, подходя къ вопросу съ той или другой стороны, мы приходимъ къ заключенію о необходимости положить конецъ старому въ балтійскомъ краѣ порядку вещей и начать коренныя здѣсь преобразованія.

Преобразованія эти должны быть направлены, во первыхъ, къ установленію равновѣсія

всѣхъ мѣстныхъ національныхъ и сословныхъ элементовъ края, во вторыхъ—къ установленію подобающаго нашему правительству значенія въ краѣ. Достигнуть того и другаго требуетъ честь, безопасность и благополучіе нашего государства.

А для достиженія *этой* цѣли правительство въ правѣ даже нарушать существующіе законы: въ *этомъ* случаѣ даже теоретики признаютъ за правительствомъ jus eminens, право государственной необходимости, Staatsrecht. Тѣмъ болѣе, въ правѣ оно начать преобразованія. У насъ на окраинѣ балтійской, гдѣ и рѣчи не можетъ быть о пользованіи этимъ исключительнымъ правомъ, ибо нѣтъ вовсе и законовъ, которые бы являлись препятствіемъ правительству на преобразовательномъ пути его.

Нѣтъ такихъ стѣсненій ни съ точки зрѣнія международныхъ обязательствъ, ни съ точки зрѣнія Самодержавною Властью пожалованныхъ актовъ, ни съ точки зрѣнія даже договора Царя съ провинціальными чинами, если бы эта точка зрѣнія могла бы быть допущеной въ данномъ случаѣ.

Что слышимъ мы въ отвѣтъ на это со стороны привиллегированнаго меньшинства нѣмецкаго нашей окраины?

Оно ссылается на хартіи, будто бы на вѣчныя времена связавшія наше правительство обязанностью употреблять всѣ свои усилія для сохраненія существовавшаго доселѣ порядка вещей, сохраненія во-что бы то ни стало, даже если бы тотъ порядокъ вещей былъ противенъ теченіямъ времени, отрицая смыслъ исторіи, противорѣчилъ здравому смыслу и политическому такту, шелъ бы въ разрѣзъ съ пользой того самого государства, для насущныхъ потребностей коего были цѣлой кровопролитной войной пріобрѣтены означенныя области.

Мы видѣли, каковъ истинный смыслъ этихъ хартій, какова юридическая природа этихъ актовъ, которые оно—меньшинство—выставляетъ правительственными „обязательствами".

Далѣе оно ссылается на ту вѣрность, которую обнаруживали всегда привиллегированные чины къ своимъ монархамъ.

Ихъ вѣрность никто никогда не подвергалъ сомнѣнію, *но* никто не сомнѣвался и въ вѣрности 2-хъ милліоновъ туземцевъ. А потому странно было бы за вѣрность награждать однихъ привиллегіями, идущими въ разрѣзъ со всѣмъ современнымъ намъ бытомъ, а другихъ не менѣе вѣрныхъ лишать тѣхъ же благъ, и прямо ограничивать въ ихъ правахъ самыхъ справедливыхъ.

Да и странна камъ кажется такая вѣрность, которая требуетъ себѣ наградъ.

Наконецъ, нѣмецкое меньшинство прибѣгаетъ, отстаивая свои права, къ крику, шуму, инсинуаціи, клеветѣ, всякой лжи и даже просто брани.

Называя землю „нѣмецкою", гдѣ $^{9}/_{10}$ населенія даже въ отдаленномъ родствѣ съ германскимъ племенемъ не состоятъ, кричатъ объ угнетеніи нѣмцевъ въ Россіи, когда правительство ничего инаго не желаетъ, какъ только дать каждому его права; кричатъ о гоненіи на лютеранскую церковь тамъ, гдѣ правительство лишь намѣрено дать православію то мѣсто, которое принадлежитъ ему на основаніи русскихъ законовъ; кричатъ о насильственномъ обрусѣніи тамъ, гдѣ правительство желаетъ дать языку русскому подобающее значеніе, какъ языку государственному, и прекратить ни съ чѣмъ не сообразное господство языка привиллегированнаго меньшинства края; кричатъ о насильственной правительственной нивеллировкѣ всего строя—einer Moscowitischen Gleichmacherei — когда правительство желаетъ отмѣнить отжившій свой вѣкъ средневѣковой порядокъ отправленія правосудія и полицейской функціи,—„Россія—отвѣтимъ мы имъ въ заключеніи словами Аксакова, сказанными почти чет-

верть вѣка тому назадъ („Москва“ 1867 г.)— эта варварская—Россія призываетъ прибалтійскій край къ признанію національныхъ правъ туземнаго населенія, составляющаго большинство въ краѣ и въ теченіе шести вѣковъ протестующаго противъ насильственнаго онѣмеченія...—цивилизованные нѣмцы противятся.

«Россія, непросвѣщенная, темная Россія, требуетъ для края свободы промысловъ, свободы торговли, свободы гражданской жизни, стѣсняемой теперь въ краѣ всяческими средневѣковыми заставами и перегородками, свободы, если не въ той мѣрѣ, какъ она существуетъ въ просвѣщенной Европѣ, то хоть въ той, въ какой ею пользуются прочіе русскіе поданные... Гордые своею культурой Нѣмцы противятся.

«Россія, даровавшая недавно десяткамъ милліоновъ своихъ подданныхъ значительныя гражданскія права, уничтожившая юридическія преграды къ сліянію сословій, предлагаетъ благо юридической равноправности, даже еще не самой широкой, остальнымъ двумъ милліонамъ своихъ поданныхъ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи... Поданные изъ Нѣмцевъ хотятъ имѣть гражданскія права только для себя, а сравнять съ Нѣмцами Латышей и Эстовъ противятся.

«Россія, надѣлившая тридцать милліоновъ сельскаго населенія землею, обезпечившая ихъ относительное благосостояніе и разрѣшившая у себя соціальную задачу, тяготѣющую черною тучей надъ остальною Европой, отвратившая отъ себя злую опасность пролетаріата и пауперизма,—Россія, совершившая крестьянскую и поземельную реформу въ 60-ти своихъ губерніяхъ, остановила могучій потокъ преобразованія у самаго порога трехъ прибалтійскихъ губерній—единственныхъ, оставшихся непричастными тому благу, о которомъ живъ и радуется весь русскій народъ, моля Бога за Освободителя... Нѣмецкое рыцарство, считающее себя просвѣтителемъ и учителемъ и носителемъ цивилизаціи въ тиранической и деспотической Россіи, — нѣмецкіе либералы не только противятся, но и приходятъ въ ярость при одной мысли объ обезпеченіи крестьянъ землею.

«Россія несетъ Прибалтійскому краю скорый и правый судъ... Представители Европы — Нѣмцы Прибалтійскаго края бьютъ въ набатъ и зовутъ Европу на помощь...

«На чьей сторонѣ варварство, рабство и тьма, и на чьей сторонѣ преимущество свободы и свѣта»?...

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Указатель хронологическій и систематическій законовъ для Прибалтійскихъ губерній съ 1704 г. по 1888 г. — Ревель, 1888 г. Цѣна 3 р.

Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, матерьялы для обычнаго права, — Москва, 1885 г. Цѣна 2 р.

Очерки юридическаго быта народностей Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ., — Москва, 1883 г. Цѣна 50 к.

Программа для собиранія юридическихъ обычаевъ, — Москва, 1887 г. Цѣна 30 к.

Stanford University Libraries
3 6105 011 654 238
JN
6599
B3K5

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

NOV 2 6 2000 -1U
DEC 13 2000